

UDC 37.012.1:001.13

DOI: 10.34671/SCH.BSR.2020.0403.0005

ФИЛОСОФИЯ КАК ПРАКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ НАУК

© 2020

Везилов Хикмет Ниязи оглу, доктор физико-математических наук,
заведующий лабораторией Института физики
Национальная Академия Наук Азербайджана

(AZ1143, Азербайджан, Баку, проспект Г. Джавида, 131, e-mail: vezirovfikret@yahoo.com)

Везилов-Кенгерли Фикрет Хикмет оглу, инженер

Азербайджанское Каспийское морское пароходство

(AZ 1029, Азербайджан, Баку, пр. Гейдара Алиева, 152, e-mail: vezirovfikret@yahoo.com)

Аннотация. Исследование конкретных проблем науки бывает эффективным только при условии подхода к ним на основе методологии философии. Всегда попытка истолкования научных открытий без философской опоры терпела фиаско. Поэтому работы в области методологических проблем науки вызывают огромный интерес и являются даже очень актуальными. Любое исследование всегда порождает и желание, и необходимость философски осмыслить полученный результат и проследить воздействие философии на науку и науки на философии. В науке каждый исследователь осознанно или неосознанно пользуется известными средствами мышления и познания, например, понятиями, умозаключениями, категориями. И чем сложнее объект исследования, тем более необходима философия. Чем больше развивается наука, тем большее значение приобретают понятия. В этих понятиях заложены знания человека об окружающем мире. Именно философия показывает, что без понятий и категорий, которые служат средством проникновения в сущность вещей и явлений, человеческое познание невозможно. Понятие – это результат обобщения опыта, а категория – наиболее общее понятие. Таким образом, одной из задач философии является содействие частным наукам в оптимизации приращения нового знания. И развитие наук необходимо ставит перед философами методологические вопросы. Иногда философы не успевают решать эти вопросы. И когда эти вопросы пытаются решать представители науки, то это часто приводит к ошибкам и неправильным умозаключениям. Научные результаты должны приводить к философским обобщениям, а это, в свою очередь, приводит к дальнейшему развитию науки и правильной линии развития.

Ключевые слова: философия, методология науки, история философии, научные исследования.

PHILOSOPHY AS A PRAXIOLOGICAL BASIS OF SCIENCES

© 2020

Vezirov Hikmet Niyazi, Doctor of Physical and Mathematical Sciences,
head of laboratory Institute of Physics

National Academy of Sciences of Azerbaijan

(AZ1143, Azerbaijan Baku, G. Javid Avenue, 131, e-mail: vezirovfikret@yahoo.com)

Vezirov-Kengerli Fikret Hikmet, engineer

Azerbaijan Caspian Shipping Company

(AZ 1029, Azerbaijan Baku, 152 Heydar Aliyev Ave., e-mail: vezirovfikret@yahoo.com)

Abstract. The study of specific problems of science is effective only if it is approached on the basis of the methodology of philosophy. An attempt to interpret scientific discoveries without philosophical support has always failed. Therefore, work in the field of methodological problems of science is of great interest and is even very relevant. Any research always gives rise to both desire and the need to philosophically comprehend the result obtained and to trace the effect of philosophy on science and science on philosophy. In science, each researcher consciously or unconsciously uses the well-known means of thinking and cognition, for example, concepts, conclusions, categories. And the more complex the object of research, the more philosophy is needed. The more science develops, the more important the concepts become. In these concepts lies the knowledge of man about the world. It is philosophy that shows that without concepts and categories that serve as a means of penetrating the essence of things and phenomena, human knowledge is impossible. A concept is the result of a generalization of experience, and a category is the most general concept. Thus, one of the tasks of philosophy is to assist private sciences in optimizing the growth of new knowledge. And the development of sciences necessarily poses methodological questions for philosophers. Sometimes philosophers do not have time to resolve these issues. And when representatives of science try to solve these issues, it often leads to errors and incorrect conclusions. Scientific results should lead to philosophical generalizations, and this, in turn, should lead to the further development of science and the right line of development.

Keywords: philosophy, methodology of science, history of philosophy, scientific research.

Философия есть объективная наука об истине, наука о ее необходимости... - Гегель.

Философия и изобретение – наиглавнейшие из всех человеческих дел. - Вольтер.

Наука не сделает и шага вперед, пока философия не одобрит и не вдохновит ее на это. - Т.Манн.

Если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов... - Гегель.

Введение. Одной из известнейших проблем философии является древняя проблема оснований возникновения, как самой философии, так и наук. Однако эта проблема не решена до сих пор. И с развитием самого человека эта проблема тоже развивалась и расширялась, приобретая все новые формы, нюансы и возможности. И сегодня на данном этапе развития науки эта проблема и проблема необходимости философии приобрела новую актуальность, актуальность более высокого уровня [1]. Но, каждый новый уровень актуальности – это признак развития и отрицания предыдущего уровня (по Гегелю –

снятие), но с учетом всего положительного, присущему тому предыдущему уровню. Поэтому сегодня бросить новый взгляд на проблему философии является необходимостью. К этому же нас обязывает изменчивость принципов и норм гносеологии и сама изменчивость мировоззрения, онтологии и логики познания, требующих, направляющих и позволяющих понимать философию по-новому, о чем будет сказано ниже.

Философия, возможно, возникла и развивалась одновременно с началом возникновения и развития техники, мифологии и науки. Скорее всего, она возникла одновременно с пониманием, или даже просто ощущением человеком зависимости от непонятных ему враждебных сил природы и своего бессилия перед ними, как желание избавиться, освободиться от них. Поэтому, по всей видимости, философия возникла одновременно с желанием, а затем и пониманием необходимости получения помощи от кого-то или чего-то, которое постепенно и необходимо транспонировалось в потребность иметь своего сверхсильного помощника, защитника и спасите-

ля, а со временем и бога.

Обычно различные вопросы и аспекты проблем философии во все времена пытались решать методологией решения основного вопроса философии, т.е. методами или идеализма, или материализма. Однако, учитывая неоднозначность и неопределенность, как материализма, так и идеализма, дуализма и других философских направлений, привычными устоявшимися способами решать поставленную проблему смысла и необходимости философии в настоящий момент представляется уже невозможным [2], т.к. само понятие «смысла» понимается исследователем в свете его свободы, понимания свободы и принадлежности к тому или иному философскому направлению, а вопрос сущности свободы также непосредственно связан с основным вопросом философии. И представители указанных и других направлений философии часто не понимали друг друга именно потому, что придавали разное значение философским понятиям и, в частности, свободы, и потому, естественно, никак не могли договориться.

Философия науки – отрасль философии, включающая логику, эпистемологию, теорию ценностей, а также этику. Необходимо понять, что понимание предмета философии под определенным углом может привести к неверным научным результатам и выводам и даже стать тормозом развития. *Парадигма философия, принятая научным сообществом, является основой организации науки (и не только науки), т.к. любое научное исследование проводится в соответствии с соответствующими философскими воззрениями исследователя.* Причем, если философия исследователя выходит за рамки эмпирической философии, то исследователь получает свободу, и никакие ограничения на глубину теории накладываться не будут. Именно философия формирует саму цель любого исследования.

Известно, что если целью исследования является приумножение данных, то для этого необходимо будет все более увеличивать количество исследователей. Если же цель исследования – установление неизвестных ранее объективно существующих явлений и законов мира, то нужно *улучшать не количество, а качество исследователей и измерительной аппаратуры.* М. Борн писал: «Каждая фаза естественнонаучного познания находится в тесном взаимодействии с философской системой своего времени; естествознание доставляет факты наблюдения, а философия 19 столетия, на которую опиралась классическая физика, глубоко коренится в идеях Д. Юма. Из этой философии развились две системы идей, которые господствовали в конце классического периода естествознания, – критическая философия и эмпиризм» [3]. Далее на с. 101 Борн пишет: «Мы не можем остановить развитие физики, но мы можем постараться наполнить ее подлинно философским духом: отысканием истины ради нее самой».

И неудивительно, но плохо, что при этом классики философии различных направлений были склонны приписывать своим результатам метафизический, окончательный характер. Так, например, на первой странице «Курса философии» Дюринг говорит об истине, причем считает, что его философия – это «окончательная истина в последней инстанции» [4].

К истории вопроса. Исторически случилось так, что, к сожалению, многие глубокие вопросы и проблемы философии были до предела упрощены. И даже глубочайшая проблема свободы в философском смысле была транспонирована в тривиальный вопрос о свободе воли. Кстати, тут уместным будет показать, что даже так называемая свобода воли, вообще-то, является синтезом отдельных сторон или свойств одного единого целого – 1) потребности (желания) человека совершить действие или деятельность; 2) выбора вида деятельности; и 3) самой деятельности (философского движения). Т.е., к сожалению, понятие «свобода» без понятия «человека» или индивида не работало. Эти два понятия – свобода и

индивид – к сожалению, были имманентны друг другу.

Мы придаем понятию свободы другое, совершенно новое значение. Вернее, мы вводим другое понятие свободы. Под свободой в настоящей статье будет пониматься внутренняя свобода, определяющая и возникновение, и развитие всего сущего, и развитие законов развития, и природы, и мира вообще. Во избежание путаницы нашу внутреннюю, диалектическую, объективную свободу назовем «архефолія» [< гр. arche – начало, лат. folleо – ходить взад вперед, болтаться и порт. folia – безумная пляска, шумное веселье]. Думается, что архефолія – такая же фундаментальная категория, как и детерминизм или случайность.

Философия – это система взглядов на мир, его законы и способы познания. Поэтому во все времена совершенно справедливо именно от философии ждали решения всех проблем человечества. Еще великий Гегель говорил, что философ способен ответить на любой вопрос. Если же он не может ответить на вопрос, значит, вопрос поставлен неверно: «Ответ на вопросы, которые оставляет без ответа философия, заключается в том, что они должны быть иначе поставлены». И действительно, именно философы во все времена пытались решать (и успешно решали!) всеобщие проблемы мира и природы, которые действительно другим наукам были не под силу принципиально. При этом философы честно и открыто пользовались некоторыми методами и результатами остальных наук. Со временем это привело к тому, что представители этих наук, будучи без философии действительно немощными, почувствовали себя чем-то вроде побочных и даже подручных инструментов. Эта принципиально неверная, ревнивая рефлексия представителей этих наук постепенно привела к тому, что многие исследователи (особенно, полуграмотные руководители и чиновники) совершенно неосознанно возненавидели философию. И эта тенденция порой проявляется и в наши дни тоже.

Так, например, сегодняшние физики часто пользуются неграмотной полуфилософией под названием операционализм, являющейся синкретическим синтезом позитивизма и прагматизма. Смысл операционализма в том, что сущность любого понятия может быть определена лишь путем применения операций, используемых при возникновении и верификации этого понятия. По этой философски неверной «теории», те понятия, которые не связаны с какими-либо операциями, признаются бессмысленными и потому отвергаются. Это удивительно, потому что даже У. Оккам еще в 14 веке знал, что есть вещи, которые нельзя доказать с помощью разума. Поэтому крайне важно не только исследователю отдельных наук, но и философам, избавиться от пут операционализма, т.к. они непременно приведут к тому, что науки о природе окажутся не науками, а техникой измерительных и вычислительных операций.

При этом эти некоторые исследователи все равно, хоть и непроизвольно и неосознанно, но философствованием все же занимаются. В любом случае, *необходимо понять, что настоящий ученый, исследователь, мыслитель и даже политик, принципиально не могут быть философски индифферентными.* А раз так, то их философия должна быть истинной. *Непризнание сказанного приведет к тому, что появятся философски необоснованные догмы типа того, что источником знания является только наблюдение; ненаблюдаемое – нереально; изобретательство в науке никакой роли не играет; пытаться объяснять мир – глупость; теория не отражает существующие предметы и явления и т.п.*

Даже неопытному, неискушенному человеку понятно, что указанные догмы неверны. Так, не всегда наблюдение является источником знаний, т.к. объективно существуют вещи в философском смысле принципиально не наблюдаемые, например, нейтрино. Относительно изобретений можно сказать, что практически все науки о природе окажутся бесполезными без изобретенных

приборов и инструментов. Еще великий Вольтер сказал, что изобретение – наиглавнейшее из всех человеческих дел. Мы бы перефразировали этот афоризм, добавив в него философию, и взяли бы получившийся афоризм эпиграфом к настоящему сообщению. Утверждение же о том, что ненаблюдаемое – не существует, является заблуждением хотя бы потому, что объективно существующие позитроны тоже ненаблюдаемы.

Против тезиса же о том, что теория ничего не отражает, можно выдвинуть антитезис о том, что существующие теории элементарных частиц или нейтронных звезд достаточно достоверно отражают происходящие в них процессы и для этого исследователю вовсе не обязательно находиться внутри этих объектов.

В науке обязательно нужно учитывать, что научные теории и идеи не только объясняют эксперимент, но даже часто могут выходить за рамки опыта. Но при этом необходимо усвоить, что результаты экспериментов не всегда являются референтами научных теорий или идей. *Референтом идеи может являться лишь объективно существующая философская вещь.* И плохо, если идея есть, а этой вещи быть не может в принципе. В конце концов, это все равно приведет к тому, что теорию придется пересмотреть.

Эффективность теории или философской идеи проверяется тем, насколько они проникли в науки или технику. И особое место в этом процессе занимают те исследователи, которые занимаются созданием и внедрением в практику тех новшеств, которые были получены благодаря открытиям ученых или идеям теоретиков. Таковыми являются, например, конструкторы исследовательской аппаратуры, которые помогают раскрытию сущности науки.

Философская организация науки несомненно, важна, т.к. без правильной организации ее не будут видны недостатки исследования. Так, например, имеются ли наименьший и наибольший объем пространства или это фикция, а если имеются, то чему они равны; существуют ли в пространстве координаты или это, всего лишь, искусственный прием для облегчения исследования; всегда ли из одних законов мира можно безошибочно вывести другой закон или это не всегда соответствует действительности; действительно ли известное понятие науки «пространство-время» является истинным понятием или все же это эклектическое понятие, в котором время совершенно необоснованно соединено с пространством; является ли принцип неопределенностей истиной или он все же определяется волей, и применима ли к ней формальная логика; в чем философский механизм появления бифуркаций; являются ли категории науки частным случаем категорий философии или это самостоятельные независимые конструкты, и объективны ли они или являются результатом конвенции; и вообще, конвенциональна ли наука, как считали Пуанкаре и Фейерабенд или наука абсолютно объективна? ...

Каждый из этих нескончаемых философских вопросов представляет для науки глобальный основополагающий интерес. *Думается, что решение этих проблем коренным образом изменит наше представление о мире и даст возможность решать такие задачи, которые сегодня перед наукой не стоят даже на горизонте. Разрешение приведенных проблем – важнейшая задача философии. Решение этих и других подобных философских проблем необходимо не только для улучшения гносеологии и раскрытия онтологии наук и научных идей, но также для качественного улучшения организации наук и научной деятельности для обеспечения развития и стран, и человечества в целом. Без философии о развитии можно даже не мечтать.*

По сей день в науке используется аксиоматический метод. Именно аксиоматика отражает используемые в науке гипотезы и факты, и дает возможность контролировать этот процесс использования предположений. До сих пор аксиоматический метод к философско-противо-

речивым ляпсусам не приводил, и поэтому, думается, этот метод для сегодняшнего уровня развития философии и наук может признаваться не только полезным, но и необходимым. Этот философский метод позволяет наглядно показывать откровенные научные недоразумения, которые без него могли бы выглядеть истинными.

Но, в то же время, некоторые исследователи сегодня относятся к аксиоматике с подозрением, т.к. считают, что она приводит к метафизике. Или, говоря философски, этот метод приводит к исчезновению диалектики и развития. Но ради справедливости следует также отметить, что при соблюдении аксиоматики начинает казаться четко ясным то, что вообще-то было принято интуитивно, из жизненного опыта. А интуиция, как известно, вещь не очень-то надежная и не всегда приводит к истине. Поэтому пересмотр аксиоматики иногда становится необходимостью.

Снова приходим к мысли, что источником истины и основанием наук все же должна являться философия. Исследователь, который не понимает, что без истинной философии ему не достичь глубин науки – обречен. Например, без философии невозможно разобраться в проблеме детерминизма, и, в частности, в принципе неопределенностей Гейзенберга. Или даже прийти к неправильному выводу о тождественности энергии и частоты излучения в знаменитой формуле Планка. Аксиоматика оправдана тем, и ее достоинство в том, что в этом методе заранее договариваются об основных понятиях, и поэтому искусственное и ничем не оправданное введение новых понятий, не свойственных установленной аксиоматике, приведет к субъективизму и это сразу станет заметно. Это и есть конвенционализм, и нарушать эту договоренность нельзя. Но это совсем не означает, что аксиоматика или конвенционализм – мертвый референт.

Просто при необходимости введения новых понятий, они должны быть логически обоснованы с помощью введенных вначале понятий и аксиом. Мы здесь использовали понятие логика, но при этом не упомянули о какой логике идет речь. Дело в том, что вне зависимости от того, какая это логика, в любом случае, предметом логики является не природа и мир, а предложения и утверждения. При этом формальную логику не интересует онтология этих предложений или утверждений. А диалектическую логику, по всей вероятности, это интересует. Но выбор логики – это отдельный сложный философский вопрос, на котором в настоящем сообщении останавливаться не будем. Скажем лишь, что при развитии наук вместе с ними развиваются и изменяются и сами философия и логика, корректируя друг друга. *Т.е. наука без философии – субъективна, а сама философия без науки – неполноценна, не истинна и даже беспомощна.*

Целью любой познавательной деятельности человека является установление истины. Исследователи из разных областей науки безуспешно пытались найти методологию научного познания как процесса получения научной истины. Результатом являлся отказ от рассмотрения научной истины как соответствия объективному миру. Некоторые из них даже предложили вообще упразднить понятие научной истины из системы наук. Особенно раздражало их понятие объективной истины. Опять же именно перед философией встает проблема разработки методологии строгой интерпретации не только научной истины, но научного процесса вообще. И кроме философии, эту проблему никто решить не способен.

Обычно принято считать, что критерием истины является опыт или практика. Но при этом даже выдающиеся философы не определили точно, что такое опыт, практика, эксперимент или эмпиризм. А ведь интуитивное представление об опыте для философской рефлексии часто совершенно недостаточно, неоправданно, неистинно. *Даже если теоретически рассчитать какой-то параметр, а затем проверить экспериментально, то при совпадении полученных результатов нет никаких философских оснований допускать это совпадение обь-*

ективной истиной. Т.е. то, что считается очевидным для исследователя какой-то науки, совершенно не очевидно для глубокого философа, причем философа любого направления, будь то материализма или идеализма. К слову, в советской философской школе было принято считать философов-нематериалистов невеждами. Это неистинно, глупо и несправедливо. Величайшие гении всех времен – Аристотель и Гегель – тоже были, уж во всяком случае, не материалистами.

Самыми вершинами науки являются, конечно же, ее законы, т.е. внутренние существенные и устойчивые связи явлений, обуславливающие их упорядоченное изменение. Исследователи во все времена имели свойство гипотезировать законы, т.е. наделять их самостоятельным бытием. При этом они необоснованно, без всякого рефлексирования считали, что каждый закон объективен. *Так ли это или нет, опять же, способна выяснить лишь философия.*

Многие исследователи науки считают, что экспериментально полученные результаты имеют ничем не опосредствованный смысл, и по этой причине не нуждаются в теориях. Другие авторы считают, что объективно достоверных измерений не может быть в принципе. При этом необходимо учесть, что хотя любое измерение, так или иначе, связано с субъектом (человеком), но любая наука о природе – это сфера исследовательской деятельности не об изучающем субъекте, а об объективных системах природы и мира. Мы вновь использовали слово «объективно», но что мы под этим подразумеваем? *Думаем, что нечто лишь в том и только в том случае может быть признано объективным, если и материализм, и идеализм, оба одновременно, признают его таковым. Как же понимая это, можно жить без философии?*

Некоторые философы считают, что, в любом случае, любой эксперимент состоит из трех составных частей: вещь в философском смысле, измерительная техника, сам исследователь. По их мнению, этот последний элемент трехзвенной системы и есть тот самый источник бесконтрольного вмешательства сознания исследователя в сам процесс исследования. *Насколько они правы или заблуждаются – проблема опять же философии.* А вообще-то, думается, собственное, действительное, т.е. врожденно-генетическое значение (т.е. философское количество) какой-то философской вещи, конечно же, не обязательно должно быть тождественно количеству, полученному экспериментально. С другой стороны, некоторые исследователи считают, что до тех пор, пока величина не измерена, она не имеет численного значения (по-философски – количества).

Но ведь любое исследование – это деятельность субъекта. А это значит, что на количество может влиять сам человек. Кроме этого, любой эксперимент вначале должен быть философски подготовлен, а это тоже человеческая деятельность. Получается, что сама измеряемая величина (количество) – это функция человеческой деятельности? Главная ошибка этих исследователей-полуфилософов в неверной посылке, а именно, что если какое-то свойство не измерено, то это свойство или его величина не имеют реального значения. Это, конечно же, солипсизм – недостоверная и весьма неблагоприятная философская теория. На самом деле, думается, собственное значение философского количества какой-то философской вещи вовсе не является только экспериментально измеренной величиной, а скорее всего, является объективным, т.е. является свойством самой природы, самого мира. *И это тоже устанавливает опять же только философия.*

Экспериментальная наука считает существование мира и природы реальным и объективным. Но некоторые исследователи считают, что наука не нуждается в теории, которая ничего не предсказывает. В какой мере это утверждение истинно? Вновь возник вопрос из области философии. Это снова дает основание считать, что

наука никак не может быть индифферентной по отношению к философии. Без понятийного аппарата разобратся в поставленных вопросах не представляется возможным. В таком случае, нужно понять, что каждое понятие должно быть охарактеризовано своей аксиоматикой и конвенцией. Без договоренности, пусть даже с самим собой, начать исследование будет невозможным, а само исследование окажется всего лишь абсурдом.

Каждый исследователь должен понять, что объяснение мира будет или объективным или субъективным. И его роль должна заключаться также в том, чтобы, по возможности, уменьшить субъективистский фактор. *А полное избавление от субъективизма возможно только благодаря верной философии.*

Хотелось бы привести отрывок из замечательной книги М. Бунге «Философия физики»:

1). Существуют вещи в себе, т.е. объекты, существование которых не зависит от нашего разума. (Отметим, что квантор в данном высказывании является квантором существования, а не всеобщности, ибо артефакты, очевидно, зависят от разума).

2). Вещи в себе познаваемы, хотя и частично, путем последовательных приближений, а не вдруг и не исчерпывающим образом.

3). Познание вещи в себе осуществляется совместно при помощи теории и эксперимента, которые сами по себе не могут вынести окончательного решения относительно чего бы то ни было.

4). Познание (фактуальное) является гипотетическим, а не аподиктическим, следовательно, оно может быть уточнено и исправлено, и потому не окончательно.

5). Познание вещи в себе отнюдь не является непосредственным, оно происходит окольным путем и символическим образом» [5].

Методология современной науки и ее результаты, естественно, определяются изначальной гносеологической позицией, т.е. выбором системы гносеологических категорий (физики это называют физическими величинами и системой физических единиц), опирающейся в доминирующей степени на обобщение классической философии – современную философию. И развитие науки приводит к интеракции, обратной связи – к воздействию науки на философию, определяющую эту науку и держащую ее на себе: *ведь в основе любой науки лежит философия, и поэтому каждый крупный научный результат приводит к прогрессу и развитию идеальных философских схем тоже.*

И если обратная связь положительная, то результат процесса воздействия науки на философию усиливает сам процесс воздействия. Если же обратная связь отрицательная, то результат процесса ослабляет, замедляет действие этого процесса. Одним из механизмов этого явления, по всей видимости, является изменчивость, как самой онтологии, так и логики и гносеологии. Т.е. диалектическое развитие науки приводит также и к развитию самих философских идей научного объяснения мира. Возникающая обратная связь между наукой и философией реализуется в использовании философией достижений самой науки, которая развилась благодаря той философии.

И использование достижений науки осуществляется через определенные концепции онтологии, эпистемологии (содержащей логику) и гносеологии. А эти концепции сами являются отражением и мира, и его развития. *Поэтому в современном мире наука и передовая философия, очищенная от догматов и мистики, должны быть нераздельны, имманентны.*

Смена парадигм в философии приводит к катастрофе. Так, например, марксизм, к сожалению, предполагал решение всех вопросов теории и практики в свете весьма ограниченной позиции классовых интересов рабочего класса. Грубая оплошность. Во-первых, почему только рабочего класса? А другие страты – не люди? Во-вторых, почему с позиций интересов, т.е. выгоды, а

не истины? Эти несправедливости и привели к краху и Советского Союза, и марксизма.

Конечно, в то же время, философия не должна являться пассивным отражением действительности. Она должна отвечать за все, и направлять и науку, и людей, и, в том числе, подводить философско-научную платформу под управление, да и вообще под все виды полезной деятельности. И с каждым новым уровнем развития общества рождается новый тип культуры с новой формой, содержанием, направленностью и предназначением. *И за все это в ответе опять же философия.* Марксисты ошибались также потому, что есть такая группа так называемых «общественных наук», которые не относятся ни к базису, ни к надстройке, например, языкознание, грамматика, социальная статистика, филология и другие.

Такие «науки» носят не классовый, а общечеловеческий характер. Такими же общечеловеческими в философском смысле, но не в оборонном или военном смысле, являются науки технические, медицинские, агротехнические, педагогические, находящиеся между науками о природе и так называемыми гуманитарными науками.

И сегодня, когда наука находится на рубеже однозначного, определенного и достоверного обнаружения основной фундаментальной частицы мира – бозона Хиггса (по всей видимости, являющейся синонимом или фридмона, или максимона), являющейся фактически сущностью, существом, пространственно-временной локализацией или как бы границей бытия, по одну сторону которой, возможно, находится материальное, а по другую – идеальное (т.е. бытие и небытие), философские проблемы науки становятся определяющими, они становятся, так сказать, началом всего (началом развития). Предлагаемая граница, конечно же, совсем не то, что имел в виду Демокрит, рисуя устройство мира, состоящее из бытия и небытия (демокритовы атомы и демокритова пустота).

В отличие от Гегеля, который считал, что бытие и небытие – одно и то же, Демокрит противопоставлял бытие небытию. Предлагаемое нами объяснение – скорее дуализм бытия и небытия (причем не имеющий отношения к физическому волновому дуализму), т.е. это – совместное сосуществование бытия и небытия. И, скорее всего, первым о дуализме, хоть и в незаметной, скрытой форме, сказал великий Гегель в «Науке логики» [6]: «Это чистое бытие есть то единство, в которое возвращается чистое знание, или же, если еще считать чистое знание как форму отличную от его единства, то чистое бытие есть также его содержание».

Именно в этом отношении *чистое бытие*, это абсолютно непосредственное есть также и абсолютно опосредствованное... Бытие поэтому не нуждается для своего вхождения в философию ни в каких других приготовленияах, ни в каких посторонних размышлениях или исходных пунктах» [6, с.129]. Далее Гегель пишет: «Пока что есть ничто, и должно возникнуть нечто. *Начало* есть не чистое ничто, а такое ничто, из которого должно произойти нечто; бытие, стало быть, уже содержится и в начале».

Начало, следовательно, содержит и то, и другое, бытие и ничто; оно единство бытия и ничто, иначе говоря, оно небытие, которое есть в то же время бытие, и бытие, которое есть в то же время небытие... Стало быть, анализ начала дал бы нам понятие единства бытия и небытия или, выражая это в более рефлексированной форме, понятие единства различности или неразличности, или, иначе, понятие тождества тождества и нетождества» [6, с.131]. Важнейшую мысль Гегеля видим далее: «Чистое бытие и чистое ничто есть, следовательно, одно и то же. Истина – это не бытие и не ничто, она состоит в том, что бытие не переходит, а перешло в ничто, и ничто не переходит, а перешло в бытие» [6, с.140].

Гегель недаром посвятил именно началу так много места. И Евклид недаром назвал свою великую книгу

именно «Начала» [7]. Без начала нет ничего. Вот почему для обозначения сущности начала, начала всего, нами создано новое слово «архефолия», первая часть которого означает «начало».

И как квантовая механика привела в свое время к качественному изменению научного и философского мышления, так современная наука должна привести к качественному изменению философского мышления и к качественно новому пониманию мира. Как мир оказался неевклидовым после работ Лобачевского и Римана, так же он, думается, может сегодня оказаться неархимедовым, т.е. таким, когда попытка сломать самую маленькую частичку мироздания может приводить не к уменьшению ее, скажем, размера (количества), а наоборот. И не случайно, что сумма информации, полученной исследователями в связи с бозоном Хиггса, уже превышает всю совокупную информацию, полученную за всю историю человечества. И это пока еще только начало. И даже если исследователи этого не понимают, то все равно, все эти достижения – результат воздействия философии.

Любая научная мысль и научный результат должны иметь философскую опору и даже платформу. А без установления правильной философии, проблемы мироздания и мира решать невозможно. И воздействие философских установок на науку, и вообще жизнь, в последнее время становится все более очевидным.

Гений Гегеля сделал многое. В то же время он видел и внутренние противоречия бытия. Эти противоречия являются источником движения и материи, и самого духа. Гегель открыто об этом не говорит, но думаем, что именно внутренние противоречия в самой абсолютной идее (назовем эти противоречия свободой духа, свободой идеи, свободой мирового разума) есть первооснова и источник и ее развития, и спонтанного самопревращения. Гегель пишет: «Бытие есть чистая неопределенность и пустота... Бытие, неопределенное непосредственное, есть на деле ничто и не более и не менее, как ничто. Ничто есть, стало быть, то же определение или, вернее, то же отсутствие определений и, значит, вообще, то же, что и чистое бытие» [6] (с.140).

Открывается заманчивая возможность, опираясь на методологию рассуждений и философию Гегеля, сформулировать бытие как неопределенное ничто, а, следовательно, философия – это то же, что и бытие. Отлично!?. Хотя... с другой стороны, ведь действительно, философии без бытия быть не может. Так что, возможно мы и не ошиблись. Возможно, у философии нет другого предиката, кроме самой философии и истины?.. А может философия – это также способность сознания и мышления, и мира вообще, создавать у разных объектов адекватные предикаты?.. Если хорошо разобраться в философии этого величайшего гения, можно понять, что его абсолютный дух – это система явлений всеобщего человеческого сознания и познания. Философия Гегеля называется абсолютным идеализмом, и главным понятием этой философии является абсолютная идея.

Этим понятием охватывается весь природный и духовный мир, т.е. сам Мир. Гегель сам называет абсолютную идею разумом, мышлением и понимает абсолютную идею как основу теоретической системы. Но, в отличие от материалистов, которые считали идею продуктом человеческого мышления, Гегель считает идею субстанцией, составляющей сущность и начало всех вещей. Т.е. Гегель считал разум субстанцией или первоосновой всего сущего. Для Гегеля такие понятия как идея, всеобщее, мышление, деятельность, бесконечное – тождественны. Гегель считал, что мышление как деятельность производит именно себя. Он говорил, что абсолютная идея есть единство практической и теоретической идеи. Гегель также считал, что абсолютная идея есть истина, причем идея есть процесс постепенного постижения. По Гегелю, идея творит мир и человека в целях самопознания.

Любая категория философии (во всяком случае, большинство) обладает онтологическим смыслом. В отличие

от них, думается, чистая философия хотя и не может обладать предикатом, но порождает онтологию. Но, обязательным атрибутом философии, возможно, должно являться время. По всей видимости, в любых одномерных, двумерных, трехмерных или n -мерных безвременных пространствах, т.е. консервативных пространствах, свободных систем быть не может. Вернее, такая система, быть может, но проявиться она не сможет. Проявление философии, наверное, возможно только в пространстве-времени или других пространствах представлений более высокого ранга.

Философские категории, отражающие философские вещи, находящиеся в развитии и составляющие мир, сами также находятся в непрерывном диалектическом развитии. Поэтому научные категории также должны находиться в состоянии непрерывного философского развития. В противном случае наука оказалась бы в состоянии стагнации или, по крайней мере, низкого коэффициента полезного действия. И это действительно в настоящий момент наблюдается в современной науке, особенно, в постсоветском пространстве, что и приводит к необходимости пересмотра и усовершенствования философии понятийного аппарата философии. И без гносеологического пересмотра и преобразования понимания мира сегодняшняя наука действовать не сможет.

Сегодня мировая наука находится в состоянии вроде бы стагнации (только кажущейся, скрытой, виртуальной), а на самом деле, в состоянии (точке) бифуркации или сингулярности, т.е. состоянии потенциального прорыва в качественно другое состояние. Причиной этого является то, что существующие физические и математические модели мира себя полностью исчерпали, и человечество стоит на пороге рождения качественно новой философской модели мира. И предлагаемая нами философская свобода-архефолія раскрывает механизм работы и континуума, и мира вообще. И поэтому, сегодня проблема свободы в науке превращается в самую важную проблему философии и требует незамедлительного разрешения, потому что она отвечает за все развитие. Сегодняшний прогресс в науке (хоть и незаметный, скрытый) способствует быстрому прогрессу, как самих философских систем, так и ускорению развития самой науки.

Выводы. Философия объективно развивается одновременно и синхронно с наукой. Но, сама наука находится в постоянном развитии. Это развитие обусловлено способностью науки объяснять постоянно усложняющиеся явления и законы природы и мира вообще. При этом любой научный результат необходимо должен быть объяснен и научной, и философской теорией. И если старая теория не способна это сделать, то или она исчерпала свои возможности, или эта теория просто не верна, или же ошибочен полученный результат. И диалектика этого противоречия есть и начало свободы исследователя, и начало свободы развития, как науки, так и философской теории. Новые научные результаты должны быть раскрыты и освещены в нашем мышлении свободой движения и преобразования тех фундаментальных представлений, которые достались нам от старых научных теорий. Этому способствует единство мира и объективная связь сознания с бытием. Сама гносеология объективно приводит нас к мысли о необходимости все нового и нового метода мышления.

Вначале количественно нового, а затем и качественно. Наука не сможет развиваться, если она не сможет отыскать в новых установленных научных результатах ничего общего с уже известными явлениями. И свободному изменению и развитию должен при этом подвергаться и сам категориальный аппарат. Онтология диалектики подводит нас к мысли, что не должно быть априорно неподвижных, неразвивающихся категорий. Т.е. сама диалектика учит, что категории должны находиться в свободном, как количественном, так и ка-

чественном развитии. И с каждым новым научным результатом наука и философия органично и все сильнее связывают мышление исследователя с миром. И для этого необходимо понять, что свобода сама накрепко и диалектически связана с миром. И каждая грань свободы отвечает за какой-то закон, или закономерность, и за развитие наших представлений о них.

И эта внутренняя, онтологическая, диалектическая, объективная философская свобода есть то связующее звено между старыми и новыми представлениями (моделями), между отживающей (старой) и новой наукой, между классическим и квантовым движением, между объективным и субъективным, абсолютным и относительным.

Естественно все это не проходит так гладко, как хотелось бы: закон единства и борьбы противоположностей не позволяет. И, думается, диалектическим связующим звеном между противоположностями и «единствами» тоже выступает философия. Можно сказать, что сама правильная философия имманентна единству в противоположностях. И любопытно, что никто до сих пор не замечал, как в этом законе объективная свобода скрывалась в оболочке борьбы! И объективная свобода – это та внутренняя жилка, которая и способствует борьбе. И каждый переход в новое качество сопровождается качественным изменением самой объективной свободы. И эта новая свобода (архефолія) есть и элемент сущности науки, и элемент сущности нового научного результата, и элемент сущности новой теории и начало всего.

С каждой старой философской вещи свобода в новом качестве переходит в новую философскую вещь или явление. И не должно так болезненно принимать новое. Новое – это качественно новое старое! Свобода – это опредмеченная борьба. Борьба – это распределенная свобода. А возможно, наоборот: борьба – это опредмеченная свобода, а свобода – это распределенная борьба. Вполне вероятно, что эти определения тождественны равнозначны. Потому что, свобода и борьба, думается, имманентны друг другу. Бытие одного без другого невозможно. Борьба без свободы, а свобода без борьбы – абсурд. Гегель говорил: сущность является, а явление есть явление сущности. Воспользуемся этим замечательным методом Гегеля и скажем: свобода является, а борьба – это явление свободы! И скажи мы это без Гегеля, нас, конечно же, осмеяли бы. Гегель не говорил, но, возможно, он сказал бы: абсолютная идея – это свобода, опредмеченная в борьбе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Везиров Х.Н., Везиров-Кенгерли Ф.Х. Проблемы философской и социологической категории актуальности. // Журнал «Научные труды» Института философии НАНА, №2, 2018, с. 29 – 48.
2. Везиров Х.Н., Везиров-Кенгерли Ф.Х. Некоторые проблемы постсоветских республик. Баку: «Ecoprint», 2018. – 234 с.
3. Борн М. Физика в жизни моего поколения. М.: изд. Инстр. литературы, 1963
4. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М.: Политиздат, 1978
5. Бунге Марио. Философия физики. М.: Прогресс, 1975
6. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т.1. М.: Мысль, 1970
7. Евклид. Начала. Т.1, М.-Л., Гиз. ТТЛ, 1950

The article was received by the editors 04.07.2020

The article was accepted for publication 27.08.2020